

Анна Батчева

Анна Батчева (настоящее имя – Анна Лисина) родилась в Донецке в 1997 году. В 2015 году переехала в Ростов-на-Дону, получила высшее образование в РГЭУ (РИНХ) по специальности «Информационные системы и технологии в экономике». Работает в сфере IT.

Начинающий поэт, переводчик-любитель, автор песен в стиле фэнтези. Лауреат III степени всемирного фестиваля «Всемпоезии-2023».

Рыцарь и Принцесса

Рыцарь уходит на фронт, а Принцесса – в Башню.
Ссору, конечно, накаркали им вороны.
Там у него – бездорожье и хлеб вчерашний,
здесь у неё – под окном облетают клёны,
стелют листву, позолоченную закатом,
на перепутье грядущего и бывшего.

Рыцарю бы отоспаться, но вот досада,
мысли бурлят в голове – не седой, свинцовой:
как там она, на последнем в пятиэтажной?
Снова, наверно, до ночи сидит и пишет
письма, стихи, переводы о чём-то важном.
Если/когда он вернётся, не будет лишним?

Он же не Принц: безземельный, не то чтоб знатный,
нынче ещё и подстрижен «под единичку».
Нет в нём ни тонкой возвышенности, ни тайны,
и всё никак не поборет в себе привычку
свет не гасить, уезжая: да пусть маячит,
а коммуналку оплатим, не так уж много.

Рыцарь не спит, а Принцесса – совсем не плачет,
в косах отливы жемчужного, не седого.
День распланирован, завтрашний – как вчерашний:
утром пробежка и кардио (чёртов пятый),
после – смотреть из окна на другие Башни,
чай с бергамотом и бабушкин джем из мяты.

Письма, стихи, переводы... О чём? Неважно.
Важно – дойти по осеннему бездорожью
до магазина, а после вкрутить отважно

ламп-у-стоваттку в маяк у себя в прихожей,
чтоб он светил день и ночь, без конца и края,
и коммуналку за это платить не нужно.

Рыцарь вернётся – она это точно знает
и достаёт с верхней полки вторую кружку.

Донецкие маки

Степь растянулась до горизонта маками.
Смотришь – и будто видишь её впервые.
Ты мне сказала: «Будет уж, Анька, плакать-то:
маково семя, вишь, не прошло навывлет».
Ты мне сказала: «Вот прорастут все семечки –
пышною клумбой стану, красиво будет.
Не поливай меня ты слезами, девочка,
сникнут цветы от соли, сгниют под грудью.
Мне бы водой колодезной впрок напиться бы,
чтоб прорастали маки сквозь рёбра легче», –
и до утра баюкала под ключицами
пригоршню с верхом пойманной в грудь картечи.

...

Степь растянулась и налилась бутонами.
Ей, вероятно, что-нибудь тоже снится.
Мне снятся маки – алые, злые, томные:
комья сердец, нанизанные на спицы;
небо горит, земля отвечает заревом,
мятлики тянут к солнцу свои серёжки.
Лезут упрямо сквозь полусон и марево
из-под ключицы тонких корней дорожки.

За кадр до вечности

Посвящено погибшим женщинам-фотокорреспондентам

Вот ты пришёл, говоришь без умолку,
давишь улыбку и смотришь весело:
«Бухта Ла-Хойя, течение Гумбольдта...» –
сыплешь слова, как идалго – песо, и
каждое слово такое звонкое,
каждое слово мне прямо в душу. И
если бы знал ты, чего мне стоило
просто лежать здесь – и слушать, слушать их!
Ты говоришь (пальцы нервно сцеплены),
тихо смеёшься: «Эх, знаешь, милая,
дни пролетают безумно медленно –
я в них застыл, как рябина в инее».
Ты говоришь (голос дрогнул): «В Питере
нынче погода опять нелётная.
Мне послезавтра уже к родителям –
дача, дожди и Нева холодная».
Не отвечаю, а только слушаю,
как твои речи на плач срываются.
Пусть ты приходишь за редким случаем, –
чаще, понятно, не получается, –
я за тобой на край света, в тернии,
буду хранителем щит и меч нести.
Я не исчезла, я рядом. Верить ли?
Встретимся. Позже. За кадр до вечности.